

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

ТЕНЕВЫЕ ФУНКЦИИ ДОЛЖНОСТНОЙ РОЛИ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАРГИНАЛИЗМА*, **

© 2003 г. Е. П. Ермолаева

Канд. психол. наук, старший науч. сотрудник ИП РАН, Москва

Теневая функция должностной роли рассматривается как деградация социального назначения профессии и сущностный признак психологии “действующего” профессионального маргинала. Социально значимая профессиональная ошибка служит системным выражением теневой функции. Обсуждаются теоретические и методологические аспекты этих психологических феноменов и предлагаются методические схемы исследования теневой функции; анализируются диагностические возможности профессиональной ошибки.

Ключевые слова: социальная функция профессии, теневая функция, профессиональная ошибка, профессиональный маргинализм.

Перемены в фундаментальных основах социально-профессиональных отношений вызвали поляризацию общества и стали для одних стимулом к новому обретению себя в профессии, а других привели к утрате идентичности и отодвинули на периферию профессионального пространства. С особой очевидностью эти изменения проявились в социально значимых видах труда, к которым относятся не только профессии типа “человек–человек” и “человек–общество” (Е.А. Климов, [7]), но и оказывающие влияние на общество более опосредованно, в частности, через изменение биологической и физической среды обитания, экономических условий и отношений, психологического комфорта. Социально значимые виды труда обладают следующими признаками: субъектность объекта профессионального воздействия; высокий уровень значимости профессионального продукта в иерархии социальных ценностей; принадлежность профессии к системе обеспечения общечеловеческих, общенациональных или общекультурных ценностей; преобладание нравственных и качественных критериев оценки (подробнее см. [5, с. 75–76]).

В массовом сознании профессиональная структура общества существует в форме должностей, предписывающих каждой профессии ее социальную роль [13]. Все социально значимые профессии декларируют служение народу (политики), человеку (врачи), закону (юристы), Родине (военные), науке и человечеству (ученые) и т.д. Однако реальное зависимое положение действующего профессионала в обществе не обеспечивает

безусловное выполнение декларируемых должностных обязанностей, а во многих случаях, наоборот, провоцирует появление скрытых от общества и не свойственных данной профессии функций, разрушающих ее социальное назначение.

Основная задача исследования – рассмотрение теневой функции профессиональной роли и оценка диагностических возможностей социально значимой ошибки в структуре профессионального маргинализма. Представленная ниже трактовка феномена теневой функции и ошибки не претендует на статус полного и многоаспектного психологического исследования проблемы теневой психологии и практики профессионалов, сложной и противоречивой. *Цель данной работы* – выявить проблему, определить ее место, понятия и методы в русле ранее предложенных [4, 5] моделей.

Появление “теневых функций” обусловлено статусом профессии как незаменимого звена функционирования и стабилизации общества; потенциальной возможностью ее использования в качестве рычага социального и политического влияния; несовершенством законов и противоречивостью ведомственных инструкций; наличием бюрократического аппарата с традициями давнего и недавнего прошлого; обыденной практикой “втянутости” должностного лица в ту или иную сферу интересов. А реализация этих функций предполагает перестройку иерархических отношений и содержательного наполнения в структуре ценностей личности: сформированные профессиональным обучением морально-этические установки в условиях, не позволяющих их реализовать, как правило, подвергаются трансформации и приобретают более прагматическую направленность.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 02-06-00252а).

** Статьи 1-ю и 2-ю см. Психол. журн. 2001, № 4, 5.

Среди профессий, наиболее подверженных искажению социальных функций, можно выделить следующие:

А. Традиционно закрытые от общественного контроля потенциально опасные (по методам или последствиям) профессиональные сферы (атомная энергетика, химическая, оборонная промышленность, космос), зачастую ориентированные на корпоративные принципы больше, чем на общечеловеческую мораль, и формирующие психологию элитарности у специалистов и вседозволенности у управленцев. Неисследованность и неучет подобной психологии были, и по сей день еще во многих сферах остаются, источником не только экологических, но и социальных проблем.

Б. Профессии, от которых непосредственно зависит повседневная жизнь и психологический комфорт людей (врачи, учителя, воспитатели, психотерапевты), – призванные быть самыми гуманными, но все более утрачивающие черты милосердия и человеколюбия.

В. Профессии, выступающие в качестве посредника между гражданами и властью: чиновники, депутаты, журналисты. И, конечно, судьи, о которых принято говорить, что они “способны изменить страну”; но пока еще понятие “судебная ошибка” ассоциируется с этой профессией больше, чем понятие “правосудие”.

Постановка проблемы показывает, что ее решение не может быть целиком отнесено к какой-либо одной из существующих в психологии труда теорий и требует обращения к смежным областям; и это неизбежно, так как для описания новых явлений, спонтанно возникающих в обществе, приходится искать другие психологические “языки” и применять иные критерии и модели. Поскольку область нашего интереса ограничивается обыденной психологией и практикой тех профессионалов, с которыми рядовой человек имеет дело в реальной жизни, адекватная для рассматриваемой проблемы модель должна быть “инструментальной схемой”, т.е. отражать лишь существенные связи, которые могут быть использованы в качестве “инструмента” для распознавания, оценки и типологии реальных явлений. Поэтому мы ориентировались на источники с признаками лаконичности и универсальности: разделение в ценностных ориентациях содержательного (ценности) и интенционного (векторы) компонентов (Н.А. Murray); социальное действие как действие, обладающее собственной ценностной ориентацией (Т. Parsons); диспозиционные модели ценностных ориентаций личности (высший, средний и низший уровни) и их противоречивость-непротиворечивость как факторы маргинальности либо устойчивости личности (В.А. Ядов).

Предлагаемая методология основана на использовании социально значимой профессиональ-

ной ошибки как индикатора перехода профессионалов от выполнения позитивной социальной функции к теневым функциям профессиональной роли, отражающего кризис профессиональной идентичности и степень маргинальности соответствующего профессионального слоя. Социально неадекватные профессиональные действия, выступая для общества как профессиональные ошибки, в действительности обслуживают теневую функцию профессиональной роли. Это своего рода “сшибка социального условного рефлекса” в сфере трудовых отношений и трудового поведения при фундаментальных изменениях в структуре “социального профессионального пространства”, которое в быстро меняющемся мире начинает играть для профессионала роль “враждебной среды”. В социально значимых видах труда профессиональная ошибка обладает дополнительным диагностическим свойством: зафиксированная в ней теневая функция профессиональной роли отражает скрытые механизмы функционирования общественной системы.

В российской и зарубежной психологии анализ ошибок проводился при оценке трудовой и операторской деятельности, психических функций, сформированности навыков, но не как показатель социального эффекта профессиональных действий или нарушения психологических механизмов функционирования профессии как социального института. Хотя на наличие негативного социального эффекта ошибок операторов опасных технологических систем указывалось неоднократно (D.P. Miller, A.D. Swain [8]), но детальных психологических исследований ни в этой ни в других сферах социально значимого труда не проводилось. Анализ ошибок – прерогатива таких видов трудовой деятельности, где имеются нормативно заданные образцы и можно измерить ошибочное действие как отклонение от нормы (Е.М. Иванова, О.Г. Носкова, О.Н. Чернышева [6]).

Понятно, что социально значимые виды труда, где оценки качественные, к этой категории не относятся. Весьма конструктивное для операторских профессий определение ошибки как действия, превышающего допуск работы системы, и антитезы надежности ее функционирования (D. Meister, L.V. Rigby, R.A. Evans [8]), при широком толковании системы как социальной, могло бы подходить и к профессиональным ошибкам в социально значимых видах труда, но является слишком общим для получения психологического результата.

В контексте основной проблемы исследования профессиональная ошибка определяется как психологически детерминированное социальное действие, сознательно или неосознанно искажающее целевую функцию профессии и не отвечающее

социально востребованным профессиональным нормам.

В отличие от вышеупомянутых трактовок ошибки, ориентированных на фиксацию отклонений от заданной структуры деятельности и тесно связанных с понятием надежности, предлагаемое здесь понятие “профессиональная ошибка” описывает социально-психологический феномен, рассматриваемый в категориях профессиональной идентичности, внутренних идентификационных требований профессии [4], ее социальной значимости [5], социальной опасности профессионала, и соотносимый с фиксированными точками в соответствующих континуумах. Вместе с тем профессиональная ошибка не сводится и к понятию “ошибочного действия” (*S. Freud*) как психического акта – результата столкновения противоречащих друг другу намерений и спонтанного проявления скрытого неосознанного намерения. Профессиональная ошибка – это “социальное действие”, но не просто наделенное субъективным смыслом для деятеля, обладающего собственной мотивацией и ценностной ориентацией (*T. Parsons*), а такое социальное действие, в котором психологически детерминированы искажение и подмена его собственной целевой функции и назначения.

Психологическая основа профессиональной ошибки – распад, дисбаланс или размывание внутренних идентификационных требований профессии. Качественные характеристики, типичность, повторяемость профессиональных ошибок в социально значимых видах труда оказываются своего рода диагностическим тестом индивидуального и общественного профессионального сознания.

Повторяющаяся в массовом масштабе профессиональная ошибка становится тенденцией и служит опознавательным знаком социальной позиции данного профессионального слоя, а содержащаяся в ней информация о теневой функции профессиональной роли выступает на первый план в эпохи социальных потрясений и перемен. Конкретные ошибки как адресное отражение “слабых мест” профессии и “сбоев” ее социальной функции могут использоваться для дифференциальной диагностики многочисленных явлений профессионального маргинализма.

Профессиональный маргинализм [4, 5] возникает везде, где человек при непосредственном или опосредованном (через СМИ, постановления, реформы) взаимодействии с профессионалом перестает быть субъектом, лишается своей личностной сущности и воспринимается должностным лицом (врачом, судьей, депутатом, разработчиком реформ или очередного “проекта века”) лишь как объект манипуляций (профессиональных или должностных) или досадный источник личного неудобства.

В отличие от известных понятий личностной или социальной маргинальности, наш термин “профессиональный маргинализм” определяет маргинальный статус по отношению к “социально востребованной норме профессионала”, характеризует удаленность от этой нормы и несет “знаковую” функцию социально негативного явления.

Маргинальный профессионал сам может стать социальной нормой, и прежде всего там, где отсутствуют единые нравственные критерии оценки социальных функций профессии у профессионала и клиента, у общества и профессиональной группы, – и тогда такими критериями оказываются правила, навязанные маргиналами; а также там, где не соблюдается баланс между интеллектуальным статусом, оплатой труда и качеством жизни, в силу чего большинством населения становятся обремененные заботами или иными жизненными обстоятельствами ограниченные в возможностях служебной и общественной самореализации “несвободные” люди.

В качестве естественных (т.е. возникающих спонтанно) контингентов профессиональных маргиналов выделяются “отверженные” и “действующие”. Основную массу отверженных составляют безработные. Однако между социально отверженными и маргиналами нет прямого соответствия: маргиналами являются лишь те, кто утратил не только должность, но и ментальную связь с профессией. Обе упомянутые категории создают базу для формирования теневых профессиональных структур и функций, однако теневая функция должностной роли – прерогатива “действующих” маргиналов, оставшихся формально включенными в трудовой процесс, но утративших внутреннюю принадлежность к профессиональной этике как в самосознании, так и в реальном поведении. Главная опасность профессионального маргинализма как социального явления – в его “действующей” составляющей.

Решение основной задачи невозможно без определения места и специфики теневой функции в системе структурных компонентов профессионального маргинализма, поэтому соотношение “вынужденных” и “действующих” маргиналов представляется необходимым.

У “социально отверженных” вынужденных маргиналов в основе изменения профессионального самосознания лежит один из следующих психологических механизмов: а) отвергание своей профессиональной идентичности – снижение субъективной ценности прежней профессии на эмоциональном фоне “осуждения себя”. В этом случае возможны переориентация, выбор новой сферы деятельности, так как база для смены идентичности ментально подготовлена; б) негативная попытка сохранить прежнюю идентич-

ность через “осуждение других” – обвинение общества и властей в развале прежней системы, страны, государства на фоне эмоций сожаления – несет в себе плохой прогноз возможности эффективной профессиональной переориентации; в) позитивная попытка сохранить профессиональную идентичность путем приспособления к новым условиям и поиска собственной ниши дает наибольшие возможности для реализации своего потенциала в новой профессиональной реальности: например, коммерциализация прежних профессиональных функций в рамках, отвечающих запросам общества, и расширение сферы их приложения.

Изменение профессионального самосознания при “самомаргинализации” как добровольном уходе из профессии без видимых внешних факторов “отторжения” предполагает следующие психологические основания:

а) “психологический износ” – человек исчерпал себя в профессии, не достигнув преклонного возраста и прогнозируемой ступени должностной лестницы, хотя ранее был адекватен выбранной профессии; такой человек уходит “опустошенным”, с недостаточными ресурсами для новой серьезной профессиональной карьеры и синдромом “психического выгорания” [10];

б) “переоценка ценностей” – человек на каком-то этапе личностного развития осознал, что дело, которым он занимался, “не его”, давалось ему с трудом и не приносило удовлетворения, что выбор профессии изначально был неверен; такой человек уходит из профессии еще не исчерпав своих ресурсов, чтобы все начать “с нуля” на новом поприще; доминантная миссия личности такого человека – самореализация “как профессионала” [9];

в) “неудовлетворенная потребность в самореализации”, – человек с особым типом индивидуалистической творческой личности, миссия которой – самоактуализация, уходит из профессии, хотя не исчерпал себя в ней и выбору ее был верен; но его ресурсы и потенциал шире данной профессии, и в новом выборе между успешным, но скучным продолжением прежней карьеры, где заранее известен каждый следующий шаг, и возможностью начать что-то новое, привлекающее не только своей перспективностью, но и неизвестностью, он выбирает последнее, что соответствует его доминантной миссии – самореализации “как личности” [3].

Таким образом, у личности в профессиональной сфере может быть одна из двух позитивных доминантных миссий: либо профессиональная самореализация (с преимущественной ориентацией “на социум”) – сделать успешную карьеру, достичь вершин мастерства и общественного признания; либо наиболее полная самореализация

именно как личности (ориентированная “на себя”), что не всегда совпадает с профессиональной самореализацией. В редких случаях такого совпадения речь идет уже о таланте.

К числу негативных доминантных миссий в профессиональной сфере можно отнести: стремление к власти с целью использования других людей для нужд личной профессиональной карьеры; превращение профессии в “кормушку” и злоупотребление профессиональным положением в качестве механизма психологического и экономического давления [11]; ненадлежащее использование профессиональной роли для компенсации “комплексов собственной неполноценности” [2] как в самой профессии, так и в других сферах жизни, т.е. теневое самоутверждение. Все это можно рассматривать и в качестве аспектов более широких понятий “теневой психологии” и “теневой стратегии жизни” [1].

Соответственно различным “миссиям личности” будут действовать и разные механизмы преодоления профессиональных кризисов. Типичными можно считать деструктивную, адаптивную, персонализированную и преобразующую модели преодоления кризиса профессиональной идентичности.

1. Деструктивная модель – легализация (выход на свет) теневой функции профессиональной роли, сопровождающаяся утратой социального назначения профессии и заменой ее другой. Модель действует: на уровне социума – как утрата социально значимой профессиональной функции в обществе (платная медицина, ставшая недоступной; суды, превратившиеся в узаконивание беззакония, использование правовых рычагов в политической и экономической борьбе кланов) и на уровне индивида – как отказ профессионала от своей социально значимой профессиональной роли и уход в другие сферы деятельности – торговлю, низкоквалифицированные формы обслуживания, криминальные структуры.

2. Адаптивная модель – экстенсивное расширение сферы приложения профессиональных усилий или совмещение основной профессии с несвойственными ей функциями: днем – учительница, по вечерам – уборщица в офисе; по будням – научный сотрудник, по выходным – строитель и т.д. Такая модель поведения обусловлена нежеланием утрачивать субъективно-ценную профессиональную идентичность и это мотивирует продолжение работы по специальности, но недостаток материальных средств заставляет искать дополнительный заработок вне сферы основной профессии. Эта модель неустойчива в силу двойственности мотивации: любое ухудшение ситуации может спровоцировать окончательный уход из профессии и поиск новой сферы деятельности.

3. *Персонализированная модель* – нахождение в рамках своей профессии наиболее индивидуально подходящей профессиональной роли (как для приложения своих способностей, так и для конечного эффекта профессиональных усилий – степени отдачи в виде материального и морального вознаграждения), т.е. достижение более полного самораскрытия, максимальной самореализации профессионального потенциала в данной сфере труда. Например, переход кабинетного ученого на преподавание, в сферы научной политики или практики, популяризации знаний (выпуск учебников, популярных монографий по своей специальности и т.д.). Фактически в данной модели кризис идентичности преодолевается путем выбора субъектом другой роли из уже известных в данной профессии, либо иного приложения тех же профессиональных функций (например, занятие репетиторством преподавателей вузов).

4. *Преобразующая модель* преодоления кризиса профессиональной идентичности. На индивидуальном уровне – это творческий поиск новых, ранее неизвестных в данном виде труда профессиональных функций, занятий и сфер приложения профессиональных усилий. На уровне социума – создание социальных инструментов для активной борьбы за справедливое вознаграждение своего высококвалифицированного труда, участие в процессах перестройки системы функционирования и финансирования профессиональных институтов в целом (например, науки, образования, медицины), выдвижение законодательных инициатив, активное обнародование проблем своей специальности перед широкой общественностью, популяризация профессиональных достижений и т.п.

Понятно, что среди перечисленных моделей адаптивная, персонализированная и преобразующая – это модели конструктивного поведения в условиях кризиса, когда человек, так или иначе преодолевая его, сохраняет профессиональную идентичность. Деструктивная же модель – это модель преодоления кризиса идентичности путем отказа от нее, а легализация теневой функции профессиональной роли служит свидетельством окончательной утраты идентичности. Если при этом человек остается на своей должности, он становится “действующим” маргиналом, использующим профессию для осуществления теневых функций.

Сущность теневой функции как специфической дефиниции “действующего” профессионального маргинализма – подмена декларируемого назначения профессии скрытым личным или корпоративным интересом, влекущая психологические изменения на уровнях: общественного сознания (социальный резонанс), индивидуального сознания потребителя профессиональных услуг

(эффект клиента), ментальности и ценностной структуры личности самого профессионала (эффект бумеранга), социального и психологического содержания профессии и профессиональных функций (профессиональная трансформация).

Негативное влияние теневых функций сказывается на всех уровнях и компонентах профессиональной структуры. На уровне общества следует различать: “распыление” общественного сознания потребителей (как отражение деградации социальной функции профессии) и потерю имиджа (смещение иерархического положения профессии как социального института среди других). На уровне самой профессиональной деятельности и психологии профессионала – это деградация функциональной структуры и потеря идентичности. На уровне индивида как объекта профессионального воздействия происходит социальная дезадаптация и стирание определенности его самосознания.

Целевая направленность теневых функций профессиональной роли просматривается в социальной сфере как “подпольное” осуществление иных, не “прописанных” в должности социальных функций (коррупция), и оказание влияния на общество, индивидуальное и общественное сознание, в том числе социально-правовое (власть); а на индивидуальном уровне – как “теневое самоутверждение” маргинального профессионала.

Можно выделить три основные теневые функции социально значимой профессиональной роли – компенсация, замещение и защита, выступающие соответственно как: преодоление комплекса профессиональной и психологической неполноценности путем теневого самоутверждения; замещение социального непризнания; замещение недостаточности материального вознаграждения; замещение отсутствующих в обществе легальных механизмов социального подавления, контроля, информирования, профессиональной консолидации; и, наконец, защита от клиентов, конкурентов, государственного и криминального рэкета, нестабильности валютного рынка.

Некоторые из этих теневых функций защиты и замещения возникли как своего рода социальная необходимость, но это не умаляет их опасности для остального общества. Например, формально попадающее в категорию профессиональных ошибок, невыполнение следователем или прокурором положенных действий по расследованию поступившего заявления, – профессионально маргинальный акт, даже когда он несет функцию социальной защиты прокуратурой самой себя от дел, превышающих возможности ее штата и финансирования. В результате могут остаться нерасследованными действительно опасные преступления, а подмена профессионального долга социальной необходимостью или целесообраз-

разностью на деле оборачивается невыполнением социально незаменимой функции профессии.

В изменяющемся обществе многие из теневых функций легализуются вместе с изменением социальных и экономических условий, закрепляемых законодательно. Так, частное предпринимательство из социально преступной деятельности стало социально необходимой; новый закон о налогах легализовал их фактическую недоплату; разрешение на возврат незаконно вывезенных капиталов снимает вопрос об источниках их происхождения. В условиях таких перемен и сами критерии профессиональной ошибки, социальной "полезности" или "опасности" профессии становятся расплывчатыми и неустойчивыми, а ценностные ориентации профессионала подвергаются трансформации.

По нашей рабочей модели, трансформации подвергаются "умозрительные" (в отличие от реально действующих) ценностные ориентации "массового профессионального субъекта", сложившиеся под влиянием внешних или случайных факторов (мода на профессию, проходной балл в вуз, доступность, зарплата) и включенные в "социальный контекст". Распад контекста, т.е. разрушение временного тандема между субъектом, социумом и профессией, приводит к обнажению истинных потребностей и "сбрасыванию маски", — т.е. ценности "умозрительные" и реально действующие меняются местами. Степень и характер разрушения системы ценностных ориентаций такого "среднего" профессионала зависят от незапности, силы, длительности и устойчивости макросоциальных изменений; причем эти же факторы не являются достаточными для устойчивой личности со сбалансированной системой ценностных ориентаций.

Основные психологические механизмы обеспечения теневой функции профессиональной роли — "отказ от власти" и "превышение полномочий". Последнее, как способ теневого самоутверждения, подавления комплекса неполноценности через придание своей профессиональной роли статуса гораздо большего, чем ее социальное назначение, приводит к коррупции и трансформации социально полезной функции профессии в социально опасную.

"Отказ от власти" делает профессионала зависимым элементом теневой социальной структуры. Мы различаем два вида этого механизма: вынужденный и спонтанный. Вынужденный отказ от власти — маргинализация, выступающая по отношению к личности как психологическое насилие. По природе внешних факторов она может быть разнообразна: социальная, экономическая, политическая, но ее психологическая основа едина — нереализованные намерения, создающие

хроническое психическое напряжение и провоцирующие утрату инициативы.

Спонтанный отказ от власти (внутренняя маргинализация) проистекает из психологической готовности личностей определенного склада и типа ментальности (внешний локус контроля) проявлять пассивность, послушание, конформизм, зависимость, уклонение от ответственности и риска. Для многих социально значимых профессий (судьи, прокуроры, врачи), где подобная готовность (и сопутствующий ей механизм "выученной" социальной беспомощности [12]) влечет за собой фактический отказ от части обязательных профессиональных функций, связанных с принятием решения и властными полномочиями, это фактор повышенной опасности. Подобный добровольный "отказ от власти" на практике принимает разные вполне традиционные облики и осуществляется легально через: а) отказ от власти в пользу начальника путем передачи ему полномочий; б) коллективную ответственность (отказ от власти путем распыления ответственности); в) излишнюю приверженность инструкциям и руководящим указаниям, особенно письменным (отказ от власти в пользу виртуальной власти бумажки); г) превалирование принципа целесообразности над профессиональным долгом (отказ от власти путем подмены мотивов принятия решения).

Подобно тому как психоанализ относит парaprаксии к маргинальным явлениям обыденной жизни, профессиональная ошибка отражает наличие в обществе профессионального маргинализма ровно в той мере, в какой отдельные ошибки, перерастая в массовые, приобретают статус тенденций или закономерностей.

При конкретном исследовании теневой функции (как инверсии социального назначения профессии) и профессиональной ошибки (как индикатора и критерия перехода от одной профессионально-психологической реальности к другой) следует различать потенциалы маргинализма профессии и самого профессионала. Первый содержится в социально-правовых документах и профессиональных инструкциях, предписывающих профессионалу те или иные функции в данном обществе и ответственность за их невыполнение. Второй составляют те качества личности профессионала, которые идут вразрез с социальной функцией его профессии, с учетом рангов их значимости (или "весовых коэффициентов") для той или иной сферы труда или конкретной роли в обществе, специальности, должности.

Проведение прямых исследований психологии действующих профессионалов и клиентов, анкетирования и опросов в ситуации непосредственного профессионального взаимодействия практически невозможно. Специалисты уклоняются от участия в психологическом исследовании их са-

мих, а клиенты, активные и разговорчивые в очередях с такими же “собратьями по несчастью”, как они сами, в условиях формального тестирования и требования прямых ответов на прямые вопросы, становятся неоткровенными, опасаясь себе навредить.

Однако ситуация облегчается тем, что в условиях современной России противоречия между явной и теневой функциями в социально значимых профессиях становятся настолько откровенными и циничными, что их последствия все чаще попадают в зону общественного внимания и фиксируются в формах, доступных для исследования косвенными методами, к которым относится и предлагаемый в данной работе метод психологической реконструкции профессиональной ошибки (поступка) на базе разработанных нами ранее идентификационных моделей соответствия субъекта и деятельности с использованием методических приемов контент-анализа, конструирования профессионально-ролевой модели Э. Берна, функциональной теории Т. Парсонса, “понимающей” психологии В. Дильтея и др.

Выбор конкретных методов реконструкции профессиональных ошибок для выявления теневых функций и действующих маргиналов в разных социально значимых сферах труда проводится в зависимости от психологической специфики профессии.

Для “публичных” профессий, адресат которых – общество в лице социальных групп, цель – влияние на идеологию, общественное мнение или общественные процессы, методы воздействия на адресата – публичные акты (выступления, книги, статьи, законы), а субъект закрыт для доступа и непосредственного исследования, – целесообразно применение методов косвенного психологического исследования, по времени приближенного ко времени самого профессионального события: 1) контент-анализ документов, текстов и высказываний; 2) вероятностное моделирование мотивационно-потребностной сферы с учетом известных фактов биографии, поступков и более ранних высказываний; 3) метод наблюдения за поведением во время телеинтервью, бесед с избирателями, реагирования на критические ситуации в обществе.

Для “закрытых” социально значимых профессий (атомщики, военные, ракетостроители и т.д.), адресат которых – общество в лице государства, цель – решение практических общественно значимых задач, методы воздействия на адресата опосредованы техническими или социальными структурами, субъект решений закрыт и персонально неизвестен обществу в момент профессионального события (сведения о котором обычно обнародуются с большим отставанием), – возможно применение лишь методов косвенного ре-

троанализа: анализ профессиональных поступков и их мотивов по дневникам, воспоминаниям, письмам, интервью, социальным последствиям результатов деятельности.

Для “открытых” массовых социально значимых профессий, специфика которых в повседневном общении с человеком как объектом профессионального воздействия, а социальное назначение – оказание конкретных квалифицированных услуг населению (правовых, медицинских, педагогических, информационных), и субъект которых доступен для непосредственного контакта в силу его профессиональных обязанностей, – эффективными могут быть следующие методы эмпирического исследования профессионалов: а) участие в ситуации, а также включенное наблюдение, где исследователь выступает в качестве потребителя профессиональных услуг (клиента, пациента); б) скрытое интервью: неформальные беседы как с профессионалом в ходе служебного взаимодействия, так и с клиентами в очередях. Собственно исследование состоит в анализе поведения специалиста (или клиента) по его реакциям на тот или иной знаковый для социальной функции профессии признак, возникающим у него либо спонтанно в ходе профессионального взаимодействия с исследователем как клиентом, либо в ответ на специально подобранные для этой цели реплики или действия исследователя.

Оценка влияния неадекватных профессиональных воздействий на индивидуальное сознание клиента проводится не только по прямым личным опросам в соответствующих очередях и наблюдениям за поведением в них людей, но и по косвенным источникам (статистика, публицистика, письма граждан), позволяющим анализировать социальную динамику и пропорции разных психологических типов клиентов: “жалобщики”, “сутяжники”, “правдоборцы” в их связи с политической и экономической ситуацией в стране, жесткостью или либеральностью законов, реакцией властей на беззаконие или “инакомыслие”. Так, наблюдаемое в настоящее время снижение числа “жалобщиков” и увеличение числа “сутяжников” обусловлено политическим отказом от социального приоритета коллективизма и переориентацией на индивидуальные способы социальной защиты.

Оценка изменения массового сознания базируется на показателях степени и динамики доверия населения к тем или иным социально значимым профессиям и структурам (по социологическим опросам разных лет). Например, при достаточно высоком уровне декларируемого доверия к государству (от 30 до 70% по различным источникам), доверие к отдельным госструктурам или функциям государственной власти (особенно в области

обеспечения личной безопасности, правопорядка, социальных гарантий) находится в диапазоне 17–6%, а уровень полного доверия к прокуратуре, например, в 90-е г. XX в. составлял лишь 1–4% при 20-процентном условном доверии (по данным СМИ).

Показатель внутренней маргинальности конкретной социально значимой профессии – величина, обратная “социальной адекватности профессии” как степени удовлетворения законных требований по отношению к числу обоснованных обращений в соответствующие структуры.

Например, в отличие от западной практики разрешения социальных споров, где любой конфликт принято решать в суде, поскольку рядовой гражданин в равной степени может выиграть процесс и у государства, завывсившего налоги на недвижимость, и у соседа, построившего высокий забор, – наши сограждане обращаются в суд лишь в самых крайних и юридически необходимых случаях (раздел имущества, расторжение браков и т.п.). Иски граждан по поводу неимущественных прав, нарушаемых разными организациями (о предоставлении информации, медицинских ошибках, защите чести и достоинства) исчисляются единицами, а в практике некоторых судей их вообще не было. Подобные дела считаются “труднопроходимыми” и в большинстве случаев судье удается “уговорить” заявителя отказаться от иска по причине его неперспективности (по данным нашего анализа списков гражданских дел и бесед с судьями в двух районных судах г. Москвы в 1999–2001 гг.). О дефиците в судебном сообществе внутренней профессиональной этики свидетельствует и статистика. По данным Российского съезда судей, проходившего в 2000 г., около 100 судей ежегодно отрешаются от должности за проступки, не совместимые с их высоким званием. Проверки, проводимые Мосгорсудом в том же году, показали, что судебные решения, противоречащие закону, в некоторых районных судах достигают 70% (по сообщениям СМИ). Практически не исследована психология принятия решений судьями: последние могут позволить себе нарушение любых статей закона, даже тех, в которых совершенно однозначно предписываются определенные действия.

Как реакция на подобные явления бытует мнение, что “человек у нас вообще никаких прав не имеет” (кстати, этой “гражданской” позиции часто придерживаются и сами судьи), – отражающее традиционную роль рядового члена общества как пассивного объекта манипулирования, которая навязывалась ему веками.

Тем не менее, идея личной ответственности за свою судьбу постепенно завоевывает место в сознании трудоспособного населения. Так, при вынужденной смене работы все большее число лю-

дей проявляет интерес к возможности заняться частным предпринимательством. Для переоценки в государственных структурах занятости важно отбирать претендентов с социально-позитивной и индивидуально эффективной моделью деловой активности и “отбраковывать” ментально и морально неадекватных и не отвечающих критериям социальной безопасности. Другая, ставшая доходной и потому популярной в массовом сознании (особенно среди молодежи) группа социально значимых профессий, – нотариусы, юрисконсульты, адвокаты, психотерапевты, практикующие психологи, – ускоренная подготовка которых активно предлагается всем желающим различными “школами бизнеса”, не обладающими достаточно квалифицированными кадрами и базой для адекватного профессионального обучения и заинтересованными лишь в получении быстрой прибыли. Очевидно настал момент, когда общество должно научиться защищаться от проникновения в профессиональную среду заведомых дилетантов, потенциально опасных для людей, которые окажутся в сфере их должностного влияния.

В целях профилактики перехода в теневую сферу и профессиональной реабилитации “вынужденных” профессиональных маргиналов, ставших безработными не в силу личностной предрасположенности, а по стечению обстоятельств, имеющих мотивацию и внутренний психологический резерв для перепрофилирования, либо одну из конструктивных (адаптивную, персонализированную или преобразующую) ментальных моделей преодоления кризиса профессиональной идентичности, – целесообразно применять метод превентивного психологического моделирования профессиональной ошибки в виртуальной профессиональной реальности: воображаемые ситуации, игровое моделирование ситуаций, провоцирующих ошибки, компьютерные модели профессиональных конфликтов.

Безработные, как “отверженные” профессиональные маргиналы, представляющие другую психологическую категорию, чем “действующие”, более доступны анкетированию и формальному исследованию в силу смещения доминантной мотивации самозащиты с боязни предать корпоративный интерес на опасение оставаться и дальше “не у дел”. Поэтому если исследование выступает как условие для получения новой работы, места в системе профессионального переобучения или предваряет профконсультацию, то безработные охотнее идут на контакт, проявляют заинтересованность в правдивых ответах и хотят знать результат. Тем более, что обсуждаемые с ними проблемы уже были предметом их размышлений и стали субъективно значимыми с момента утраты работы.

В качестве основного принципа теоретического обобщения данных в рамках методической процедуры выступает двухаспектное рассмотрение социально-значимой профессиональной ошибки как феномена реальной психологии профессионала: на “макроуровне” (в структуре социальной жизни) и на “микроуровне” (в структуре частной жизни — на фоне межличностных отношений, брака, семьи, здоровья, болезни, отношения к жизни и смерти, с учетом исторических и культурных традиций). Определение типичных сочетаний факторов социальной и обыденной жизни, обуславливающих профессиональные ошибки, с одной стороны, и наличие высокого профессионализма, с другой, необходимо для разработки компенсационных моделей выхода из профессиональных кризисов.

Перечисленные методические принципы и требования заложены в предлагаемую схему профессионального отбора на основе прогнозирования профессиональной ошибки, в той или иной степени пригодную для всех социально значимых видов труда.

Сначала по анализу профессионально-нормативной документации (контент-анализ и анализ содержания) определяется потенциал и “точки роста” профессионального маргинализма, вытекающие из несовершенства профессионально-правовой базы профессии, т.е. ее “слабые места”, а потом определяется психологический набор качеств личности, потенциально наиболее подверженной маргинализации в этих условиях. Затем по специально разработанному тесту выявляются: доминантная миссия личности, тип ментальной модели преодоления кризисов, характер реагирования в условиях перемен, уровень и направленность социальной агрессивности, и производится “отбраковка” ментально непригодных кандидатов. Наконец, по универсальному тесту профессиональных способностей и качеств личности проводится опрос претендентов, а компьютерная обработка результатов опроса ранжирует индивидуальные данные в соответствии со степенью их опасности для данной профессии и выдает персонализированный результат.

При этом каждый раз осуществляется не типологическая оценка по баллам и т.п., а оценка индивидуальной совместимости психологических качеств личности и “маргинального портрета профессии”, и основное здесь — не выделение психологических параметров пригодности и их сопоставление с успешностью профессиональной карьеры [14], а выявление и оценка имеющихся у личности факторов непригодности к выполнению социального назначения данной профессии.

Таким образом, приобщение человека к профессии может быть основано не только на принципе приоритета субъекта — соответствия его за-

датков и функциональных способностей предметной стороне деятельности, но и на принципе приоритета интересов общества — предварительного исключения претендентов, лично не отвечающих морально-этическим критериям социальной функции профессии. Превентивное “отсечение” от профессии ментальных маргиналов позволит избежать как длительной и дорогостоящей процедуры их обучения всем необходимым приемам и функциям, так и пополнения рядов действующих профессиональных маргиналов, социальная опасность которых тем больше, чем более виртуозно они владеют фактической и практической стороной профессии и формальными профессиональными приемами. Предлагаемый подход представляет собой попытку обозначить проблему теневой психологии и практики профессионалов и наметить одно из возможных направлений снижения ее негативного эффекта.

ВЫВОДЫ

В теневой функции социально значимой должностной роли заключена сущность профессионального маргинализма как деградации социального назначения профессии, психологические последствия которой — “распыление” общественного сознания, дезадаптация самосознания потребителя и изменение ментальности профессионала.

Выделены разновидности теневой функции — “компенсация”, “замещение” и “защита”, которые выступают как деструктивная реакция профессионала на несовершенство социально-профессиональных отношений.

В этой проблематике центральное место занимает рассмотрение профессиональной ошибки как системного индикатора “слабых мест” профессии и “сбоев” социальной функции профессионала.

Определена грань между профессиональной ошибкой как феноменом и профессиональной ошибкой как тенденцией, отражающей распад внутренних идентификационных оснований профессии и степень маргинальности соответствующего профессионального слоя в условиях изменяющегося общества.

Предложены методологические принципы и методические процедуры психологической реконструкции и прогнозирования ошибочных профессиональных решений и поступков в социально значимых видах труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.

3. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: МГУ, 1990.
4. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) // Психол. журн. 2001. № 4. С. 51–59.
5. Ермолаева Е.П. Психология профессионального маргинала в социально-значимых видах труда (статья вторая) // Психол. журн. 2001. № 5. С. 69–78.
6. Иванова Е.М., Носкова О.Г., Чернышева О.Н. Спецпрактикум по психологическому изучению профессиональной деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1980.
7. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995.
8. Миллер Д., Суэйи А. Ошибки человека и его надежность. / Человеческий фактор. Под ред. Г. Салвенди. М.: Мир, 1991. Т. 1. Гл. 8.
9. Пряжников Н.С. Психологический смысл труда. М.–Воронеж, 1997.
10. Психология. Учебник для технических вузов. / Под ред. В.Н.Дружинина. С.-Пб.: Питер, 2000. Гл. 27.
11. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992.
12. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. В 2 т.
13. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969.
14. Bergmann C. Beziehungen zwischen Identität, Persönlichkeit und beruflicher Laufbahnentwicklung. Kongress der DGP, Jena, 2000.

SHADOW FUNCTIONS OF OFFICIAL ROLE IN THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL MARGINALISM

E. P. Yermolayeva

Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., IP RAS, Moscow

Shadow function of official role is considered as degradation of social function of profession and essential feature of psychology of "actual" professional marginal. Professional mistake with social significance is considered as a system expression of the shadow function. There are discussed the theoretical and methodological aspects of these psychological phenomena, and the shadow function research paradigms are proposed. The possibilities to recognize professional mistake are analyzed.

Key words: social function of profession, shadow function, professional mistake, professional marginalism.